

М И Я Г Р Э И

Если ты
читаешь это —
беги.
Следующей
будешь *ты.*

ПОКА ТЫ ЛЮБИЛ МЕНЯ

Мия Грэй

Пока ты любил меня

«Автор»

2026

Грэй М.

Пока ты любил меня / М. Грэй — «Автор», 2026

Он появился в её жизни, когда она уже перестала верить в любовь. Максим был идеальным: заботливым, надёжным, тем самым, о ком мечтают. Через полгода они поженились. А спустя три месяца полиция нашла в лесу тело женщины. Все были уверены, что погибшая — бывшая девушка Максима, исчезнувшая три года назад. Только одна деталь не давала Алисе покоя. За день до смерти незнакомка успела отправить ей сообщение: «Если ты читаешь это — беги. Следующей будешь ты.» Но от кого? От мужа? Или от человека, который уже много лет уничтожает всех женщин, которых любил Максим? Чем глубже Алиса пытается узнать правду, тем чаще понимает: самый страшный секрет скрывает вовсе не её муж. А она сама. Она не помнит той ночи. Но кто-то помнит всё.

© Грэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Город, который не обещал тепла	6
Глава 2. Тени прошлого	10
Глава 3. Дневник в стене	13
Глава 4. Тот, кто внутри меня	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мия Грэй

Пока ты любил меня

Глава

Глава 1. Город, который не обещал тепла

Алиса никогда не думала, что можно просто взять и сбежать от собственного прошлого. Она считала, что это прерогатива слабых — бросать всё, не дожидаясь, пока рухнет последний мост, просто разворачиваться и уходить в никуда. Но когда мать умерла — тихо, почти незаметно, словно догоревшая свеча, которую просто забыли потушить, — Алиса поняла, что в этом городе ей больше нечем дышать. Воздух стал слишком тяжёлым, пропитанным запахом лекарств, старой обивки дивана и чувством вины, которое она носила в себе так долго, что оно срослось с рёбрами.

Она собрала чемодан за один вечер. Это было легко, пугающе легко. Словно она всю жизнь только и делала, что ждала этого момента. Фотокамера, пара объективов, ноутбук и несколько книг, которые она так и не прочитала, потому что всё откладывала на «потом», пока мать требовала её внимания. Теперь «потом» наступило, и оно было пустым и звонким, как пустая комната в доме, который внезапно стал чужим.

Город, в который она приехала, встретил её серо-жёлтым октябрём. Листья ещё не осыпались полностью, но уже потеряла свою летнюю наглость, став бледной и уставшей, как выцветшая старая фотография. Она сняла маленькую студию на окраине, в районе, где по вечерам тихо гудели провода трамвайных линий, а воздух пах мокрым асфальтом и почему-то мятой. Алиса решила, что это хороший знак. Мята — это свежесть, это начало. Ей так хотелось в это верить, что она почти заставила себя улыбнуться, стоя у окна и глядя на чужие крыши.

Работа нашлась быстро. Её стиль — тёмный, немного меланхоличный, с глубокими тенями и акцентами на глазах людей, — оказался востребованным в этом городе, где люди почему-то любили красиво грустить. Она снимала портреты для маленьких локальных журналов, делала фотосессии для пар, которые собирались жениться, и изредка соглашалась на странные заказы от людей, которые не показывали лиц. Один мужчина попросил сфотографировать его руки. Только руки. Алиса не задавала вопросов. Она привыкла не задавать вопросов после того, как мать ушла. Вопросы часто вели к ответам, которые ей не нравились.

В тот день, когда она встретила Максима, шёл дождь. Не ливень, а тот мерзкий, мелкий и настойчивый дождь, который проникает под воротник и заставляет кости ныть старой болью. Она возвращалась с заказа в старом районе, где снимала интерьеры библиотеки, которая вот-вот должна была закрыться. Алиса любила такие места — пахнущие пылью и временем. Она стояла под козырьком кафе, пытаясь поймать такси, когда заметила его.

Максим стоял на другой стороне улицы, абсолютно не обращая внимания на воду, которая стекала по его тёмному пальто. Он смотрел на неё. Не нагло, не оценивающе, а как-то иначе. Словно узнавал. Словно вспоминал. Алиса почувствовала странный холодок, пробежавший по позвоночнику, но он был не страшным — скорее, интригующим. Она отвела взгляд, решив, что это просто совпадение, что мужчина смотрит сквозь неё на что-то за её спиной. Но когда она снова подняла глаза, он уже переходил дорогу, ловко лавируя между редкими машинами, и шёл прямо к ней.

— Вам нужна помощь? — спросил он, и голос у него оказался ровным, спокойным, будто он знал её сто лет. — Я видел, как вы пытались поймать машину. Здесь это редко получается.

Алиса улыбнулась, чувствуя, как её щёки слегка потеплели. Она ненавидела эту свою привычку краснеть в неловкие моменты.

— Наверное, я выгляжу растерянно, — ответила она, поправляя ремень фотоаппарата на плече. — Я здесь недавно. Ещё не привыкла к местному трафику.

— Переехали? — он не спрашивал, он утверждал. И в этом было что-то пугающе точное.

— Откуда вы знаете?

— У вас взгляд человека, который ищет, за что зацепиться. — Он говорил просто, без пафоса, но каждое его слово находило отклик в ней. — Я Максим.

— Алиса, — представилась она, и в этот момент такси, наконец, остановилось прямо перед ними, разбрызгивая лужу.

— Вот видите, — он улыбнулся, и от этой улыбки тёплый свет в его карих глазах стал почти осязаемым, — вам просто нужно было, чтобы кто-то подошёл.

Она села в машину, а он закрыл за ней дверцу, легко коснувшись пальцами стекла на прощание. Алиса посмотрела в зеркало заднего вида: Максим стоял на тротуаре, мокрый, без зонта, и смотрел ей вслед до тех пор, пока машина не скрылась за поворотом.

Дома она долго сидела у окна, прижимая к груди горячую кружку с чаем, и не могла понять, почему сердце бьётся быстрее, чем обычно. Она не верила в любовь с первого взгляда. Она считала это выдумкой для тех, кому скучно жить. Но в тот вечер, засыпая, она видела перед собой его лицо — спокойное, тёплое, полное какой-то тихой грусти. Он был слишком хорош для этого города. Слишком идеален.

Они встретились снова через два дня.

Алиса устроила свою первую небольшую выставку в подвальном помещении, которое местные называли арт-пространством «Угол». Там пахло сыростью и кофе, стены были выложены кирпичом, и свет падал сверху через маленькие оконца, создавая те самые длинные тени, которые она так любила. На стенах висели её работы. Чёрно-белые портреты незнакомцев, лица которых были наполовину скрыты тенью, руки, которые сжимали пустоту, глаза, которые о чём-то молчали.

Алиса стояла возле входа, нервно теребя край своей тонкой кофты, когда увидела его в дверях. Он был в сером свитере, который делал его глаза ещё темнее, и держал в руках букет не крупных, как обычно, цветов, а маленьких полевых ромашек и васильков. Это было так нелепо и так трогательно одновременно, что она рассмеялась. Прямо там, при всех. И Максим, увидев этот смех, сделал шаг вперёд и улыбнулся — открыто, по-мальчишески смущённо.

— Я не знал, что вам нравится, — сказал он, протягивая букет. — Но эти цветы показались мне такими же чистыми, как ваши фотографии.

— Мои фотографии совсем не чистые, — возразила она, принимая цветы, но в голосе не было упрека. — Они тёмные. Они о боли.

— Именно, — он шагнул к ней ближе. — Боль — это самое чистое, что есть в человеке. В ней нет лжи.

Она пропустила его внутрь, и он прошёл вдоль стены, останавливаясь у каждого снимка, не торопясь, словно читал книгу. Алиса смотрела на него со стороны, чувствуя, как внутри неё что-то переворачивается. Она пыталась найти изъян. Ну не может же быть, чтобы этот мужчина был настолько... идеальным. Он был вежлив, но не напыщен; он был красивым, но его красота не кричала о себе; он был внимательным, но его внимание не давило.

— Вы сняли это в старом городе? — спросил он, указывая на фотографию, где женщина стояла спиной к камере, глядя на море, закрытое туманом.

— Да. Я искала то, чего нет. — Она не поняла, зачем это сказала. Но Максим повернулся к ней, и в его глазах мелькнула такая глубокая понимающая искра, что Алиса забыла, как дышать.

— Я тоже ищу, — тихо сказал он, глядя на неё, и между ними повисла та плотная тишина, в которой не нужны слова.

В тот вечер они долго гуляли по набережной. Ветер с реки был холодным, но она не замечала холода. Он рассказывал, что работает архитектором, что проектирует дома, в которых люди должны чувствовать себя защищёнными. Но сам он, как признался, до сих пор не чувствовал себя защищённым нигде. Он упомянул, что у него была девушка, которая ушла,

оставив лишь вопросы. Алиса не стала давить, она просто слушала, чувствуя, как её собственные стены начинают трескаться.

Они начали встречаться. Это произошло естественно, как смена времени года. Она больше не чувствовала себя чужой в этом городе. Он водил её в маленькие ресторанчики, где подавали горячий шоколад с корицей, и на крыши высоких зданий, откуда город казался игрушечным. Он помогал ей носить тяжёлые сумки с оборудованием, не спрашивая, просто брал их и шёл вперёд. Он звонил ей каждое утро, чтобы сказать «доброе утро», и его голос звучал для неё как тихая музыка, которая вытесняла из головы все тревоги.

Через два месяца она переехала к нему. Он жил в старом доме с высокими потолками и большими окнами, которые выходили во двор, где рос старый каштан. Алиса любила сидеть на подоконнике и смотреть, как ветер шевелит его ветви. Она начала чувствовать себя живой. Впервые за долгие годы она позволяла себе улыбаться, ничего не опасаясь.

Она почти забыла о той аварии восемь лет назад, которая оставила ей провалы в памяти. Иногда, просыпаясь среди ночи, она не могла понять, который час и где она, но стоило ей услышать дыхание Максима, спавшего рядом, как страх отступал. Он всегда был рядом. Он был опорой, стеной, защитой.

Через четыре месяца он сделал ей предложение.

Это случилось в парке, под старым дубом, который, по его словам, помнил ещё Пушкина. Дождь только что прошёл, и воздух был чистым и прозрачным. Максим встал перед ней на одно колено, и небо за его спиной было синим, почти нереальным. Он говорил что-то о вечности, о том, что никогда не встречал такой, как она, о том, что хочет просыпаться рядом с ней до самого конца. Алиса плакала. Она редко плакала, но в тот момент слёзы текли сами, горячие и солёные.

— Я согласна, — прошептала она, бросаясь ему на шею. — Да, да, тысячу раз да.

Она не смотрела на кольцо, которое он надел ей на палец. Она смотрела на него, в его глаза, и видела в них такую любовь, что сомневаться было невозможно. Она была счастлива.

Но жизнь любит подкидывать странные подарки, когда кажется, что всё слишком хорошо.

Первая странность случилась через неделю после свадьбы. Алиса проснулась глубокой ночью оттого, что в комнате было холодно. Окно оказалось открытым. Она поднялась, чтобы закрыть его, и случайно выглянула на улицу.

Там, под каштаном, стояла фигура. Человек в тёмной одежде просто смотрел на их окно. Неподвижно. Она хотела разбудить Максима, но когда снова перевела взгляд вниз, фигуры уже не было. Алиса списала это на игру теней и нервное переутомление.

Но через два дня на её электронную почту пришло письмо. Без обратного адреса. Без имени. С файлом вложения.

Алиса открыла его и замерла.

На фотографии был Максим. Молодой. Он стоял рядом с красивой темноволосой девушкой с весёлыми глазами, и они улыбались друг другу. Следующее фото — он обнимал другую, рыжую. Третья — ещё одна блондинка. И так четыре снимка. Все девушки были разными, но в каждой из них угадывалась странная схожесть. В каждой была мягкость, что-то тихое и светлое.

И подпись в конце письма была короткой, без лишних слов:

«Спроси у мужа, где они сейчас. Все четыре. И почему о них никто не говорит».

Алиса почувствовала, как земля уходит из-под ног.

Чашка с чаем, которую она держала в руке, выскользнула и разбилась вдребезги. Осколки разлетелись по светлому паркету, как мелкие злые звёзды.

Она сидела на кухне одна, глядя на экран ноутбука, и впервые за многие месяцы ей стало по-настоящему страшно. Не потому, что муж мог оказаться не тем, за кого себя выдаёт. А потому, что та тень, которую она видела ночью, возможно, была не случайностью.

И потому, что в глубине её собственной памяти, в том самом чёрном провале, который она избегала восемь лет, что-то начало шевелиться. Как будто старый зверь, который жил в ней, вдруг почуял запах крови и приоткрыл один глаз.

Она посмотрела на свою левую руку, где белел шрам от той аварии. Она никогда не помнила, как он появился.

Но теперь ей казалось, что шрам начинает зудеть.

Глава 2. Тени прошлого

Алиса не стала ничего говорить Максиму. Не потому, что не доверяла ему, — нет, в тот момент она просто не знала, как подступиться к этому вопросу, как спросить у человека, который каждое утро целовал её в лоб, о том, где пропали четыре девушки, с которыми он когда-то был счастлив. Вопрос прозвучал бы как обвинение, а она не хотела обвинять. Она хотела понять. Но глубоко внутри, там, где шевелился тот самый зверь, зрело смутное чувство, что ответы ей не понравятся.

Она спрятала ноутбук в ящик стола, как прячут улику, и провела остаток дня в лихорадочной попытке делать вид, что ничего не произошло. Она мыла посуду, перебирала книги на полках, даже попыталась редактировать старые фотографии, но ни одна из этих привычных действий не могла заглушить гул в голове. Лица тех женщин стояли перед глазами. Они улыбались. Они были живыми на тех снимках, и эта жизнь, застывшая в пикселях, казалась почти оскорбительной в своей беззаботности.

Вечером Максим вернулся домой уставший, но, как всегда, с улыбкой. Он принёс с собой запах свежего хлеба из маленькой пекарни на углу и, заметив её напряжённое лицо, сразу же нахмурился.

— Алиса, что-то случилось? — спросил он мягко, снимая пальто и вешая его на крючок. Его голос был ровным, но в нём сквозила тревога, которую она научилась различать за эти месяцы.

— Нет, просто устала, — ответила она слишком быстро, и даже сама услышала в своём голосе фальшивую ноту. — Работа. Ты же знаешь, заказчики бывают требовательными.

Максим подошёл к ней, взял за плечи, заглянул в глаза. Его ладони были тёплыми, и она на мгновение позволила себе прикрыть веки, вдыхая его родной запах. Запах дерева, чернил и чего-то сладковатого, что она не могла определить, но что ассоциировалось у неё только с домом.

— Ты можешь сказать мне правду, — тихо произнёс он. — Я всегда рядом.

Она хотела выпалить всё: про письмо, про фотографии, про ту фигуру под каштаном, которая, возможно, просто привиделась ей от усталости. Но слова застряли в горле, как кость. Вместо этого она улыбнулась — той улыбкой, которую она оттачивала годами, чтобы скрывать боль от матери, чтобы не показывать слабость.

— Я знаю, милый. Правда, всё хорошо. Мне просто нужно немного времени для себя. Ты ведь не против, если я завтра поработаю одна в студии?

Он кивнул, но в его взгляде мелькнуло что-то, что она не смогла прочитать. Было ли это разочарование? Или, наоборот, облегчение? Она отогнала эту мысль, прижавшись к его груди, и почувствовала, как бьётся его сердце — ровно, спокойно, как у человека, которому нечего скрывать.

Ночью она не спала. Она лежала на спине, глядя в потолок, где тени от уличных фонарей рисовали причудливые узоры, и прокручивала в голове каждую деталь их знакомства. Максим всегда был слишком идеальным. Слишком заботливым. Слишком терпеливым. Но разве это повод для подозрений? Разве не она сама мечтала о таком мужчине — надёжном, как скала, и мягком, как рассвет?

Часы пробили три, когда она услышала шорох за окном. Сначала она подумала, что это ветер, но звук был слишком отчётливым — словно кто-то царапал стекло. Алиса медленно, стараясь не скрипеть кроватью, приподнялась на локте и посмотрела в окно.

На улице никого не было. Двор спал, каштан покачивал ветвями под порывами ночного бриза, и только где-то вдалеке лаяла собака. Но на подоконнике лежала ветка, которой там

точно не было вечером. Её срезали ровно, будто ножницами, и положили аккуратно, словно чья-то рука хотела передать ей безмолвное приветствие.

Алиса сжала зубы, чувствуя, как холодный пот проступает на висках. Она встала, подошла к окну, приоткрыла створку и выглянула вниз. Тени под деревом сгущались, но она готова была поклясться, что видела мелькнувший силуэт, который тут же растворился в темноте, как дым.

Наутро она рассказала Максиму о ветке. Он отнёсся к этому с лёгким скепсисом, пожав плечами и заметив, что дети из соседнего дома часто балуются, а ветер мог занести. Но в его глазах она снова уловила ту же нечитаемую искру. Он знал что-то. Или догадывался.

В тот день она не поехала в студию. Вместо этого, когда Максим ушёл на работу, Алиса села за ноутбук и начала гуглить. Она вбивала в поисковик имя Максима, его профессию, город, в котором они жили. Ничего криминального. Архитектор, несколько статей о его проектах, пара наград за дизайн жилых комплексов. Никаких упоминаний о пропавших девушках.

Тогда она попробовала ввести имена, которые запомнила с фотографий. На снимках не было подписей, но лица остались в памяти. Она искала по описанию: "пропала девушка, тёмные волосы, рост примерно 165", "исчезновение рыжей девушки". Пальцы дрожали, когда она нажимала на ссылки.

Страница за страницей открывали перед ней пустоту. Ни одной новости. Ни одного ориентировочного объявления. Словно этих женщин никогда не существовало. Алиса почувствовала, как внутри закипает липкое отчаяние. Может быть, это просто старые фотографии его бывших, и они живут себе, счастливые, где-то в других городах, а она накручивает себя из-за глупого письма?

Но кто мог прислать это письмо? И зачем?

Она проверила обратный адрес: набор случайных цифр и букв, явно созданный на одно-разовом сервере. Трекнуть отправителя не было никакой возможности. Зато в папке "Спам" она нашла ещё одно сообщение, пришедшее час назад. Она даже не видела его раньше.

Текст был коротким: "Ты уже спросила его? Или боишься узнать правду? Ты даже не представляешь, как близка к ней."

И снова без подписи.

Алиса захлопнула ноутбук, чувствуя, как всё тело начинает дрожать. Она подошла к зеркалу в прихожей и посмотрела на себя. Бледное лицо, синяки под глазами, всклокоченные волосы. Она была похожа на человека, который медленно сходит с ума. Но ведь она не сумасшедшая. Она просто хочет понять.

Внезапно её взгляд упал на старую коробку, стоящую в углу шкафа. Коробка с вещами Максима, которые он не разобрал после переезда. Она никогда не лезла в его личное пространство, но сейчас, в этом приступе паники, ей казалось, что ответы могут быть там.

Она вытащила коробку, села на пол и, затаив дыхание, сняла крышку. Внутри были старые чертежи, какие-то блокноты, пара карандашей и... конверт. Обычный бумажный конверт кремового цвета, без марки, только подпись на лицевой стороне: "Моей Алисе".

Ей стало дурно. Как он мог знать, что она найдёт эту коробку? Или это совпадение?

Дрожащими пальцами она вскрыла конверт. Внутри лежала не одна, а целая стопка фотографий. Но не тех женщин. Нет. Это была она сама. Алиса, снятая со спины, в разных местах: на рынке, в парке, у входа в её старую квартиру. Фотографии были сделаны задолго до их знакомства. Одна из них датировалась прошлым годом — она стояла на перроне вокзала, где она ни разу не была.

Внизу каждой фотографии стояла подпись, выведенная мелким, аккуратным почерком: "1 февраля", "15 марта", "23 сентября". А рядом — короткие фразы: "Она не знает", "Скоро она встретит меня", "Я должен сделать её счастливой".

Алиса выронила фотографии, и они разлетелись по полу, как осенние листья. В груди всё сжалось. Максим следил за ней. Он знал о ней задолго до того, как они встретились под дождём. Он не случайно оказался тогда на той улице. Он ждал её. Он планировал всё это.

И тут же, словно в унисон её мыслям, в коридоре раздался звук поворачивающегося ключа в замке. Дверь медленно отворилась, и на пороге появился Максим. Он вернулся раньше времени, и в руке у него был небольшой свёрток, перевязанный бечёвкой.

Увидев её на полу, среди разбросанных фотографий, он остановился. Его лицо осталось невозмутимым, но в глазах мелькнула тень. Тень, которую она раньше принимала за мягкость.

— Алиса, — сказал он тихо, и голос его звучал спокойно, почти ласково, но в этой ласке теперь слышалась сталь. — Я могу всё объяснить.

Она не встала. Она смотрела на него, вжимаясь спиной в шкаф, чувствуя, как сердце колотится о рёбра, словно птица в клетке. В голове пронеслась мысль: а что, если те женщины тоже нашли эти фотографии? И что случилось с ними потом?

Но Максим сделал шаг вперёд, аккуратно перешагивая через снимки, и протянул ей свёрток.

— Я хотел сделать это позже, — произнёс он, и в голосе его послышалась нежность, от которой у Алисы перехватило дыхание. — Но раз ты уже увидела... Открой.

Она не шевелилась. Тогда он сам разорвал бечёвку, и из бумаги выпал небольшой альбом. Альбом был старым, потрёпанным, с выцветшей обложкой. На первой странице крупными буквами было выведено: «Дневник моей мамы». И ниже приписка: «Читай. Она тоже искала тебя».

Алиса смотрела на альбом, потом на мужа, и в её голове не укладывалась картина. Он следил за ней не потому, что хотел причинить зло. Он ждал её потому, что его мать, которая умерла за год до их встречи, завещала ему найти эту девушку. Девушку с фотографий. Девушку, которую он должен был полюбить.

Но почему?

И почему все те женщины исчезли?

Она открыла альбом дрожащими руками, и первая фраза, которую она прочитала, заставила её кровь застыть:

«Если ты это читаешь, значит, Максим нашёл тебя. И теперь ты в опасности. Но не от него. От того, кто идёт за ним по пятам. От человека, который не остановится, пока не уничтожит всех, кого он любит. Берегись теней. И никогда не доверяй зеркалам».

Алиса подняла глаза на мужа. Максим стоял перед ней, такой же спокойный и родной, но в его лице она увидела усталость, которую он так долго скрывал. И страх. Настоящий, живой страх, который он прятал за улыбками и поцелуями.

— Я хотел защитить тебя, — прошептал он. — Я не знал, как сказать. Но ты должна знать правду. И сейчас, когда ты её узнала, нам нужно бежать.

За окном раздался резкий звук — стекло разбилось, и в комнату влетел камень, обёрнутый запиской. Максим рванул к окну, но на улице никого не было. Алиса развернула записку дрожащими пальцами.

В ней было всего одно слово, выведенное красным фломастером: «УБЕГАЙ».

И в этот момент Алиса поняла: их игра только начинается. И тот, кто стоит за всем этим, наблюдает за ними прямо сейчас. И он уже близко.

Она посмотрела на мужа, который держал осколок стекла в руке и смотрел в ночную мглу, и в его глазах она прочитала то, что он никогда не говорил вслух: он боялся не за себя. Он боялся за неё.

И этот страх был заразительным.

Глава 3. Дневник в стене

Мы не побежали. Не сразу. Сначала была минута полной, осязаемой тишины, когда камень со злым посланием валялся на полу, усыпанном осколками стекла, а ветер из разбитого окна шевелил разбросанные фотографии, словно призрачные пальцы перелистывали страницы чужой судьбы. Алиса сидела на полу, прижимая к груди дневник матери Максима, и чувствовала, как мир вокруг неё трещит по швам, как старая картина, которую кто-то решил разорвать на части. Она смотрела на мужа, и впервые за все месяцы их совместной жизни видела его не идеальным, а живым — растерянным, напуганным, но при этом до безумия решительным.

— Мы не можем оставаться здесь, — произнёс Максим, его голос был низким и жёстким, как натянутая струна. Он уже хватал её за руку, пытаясь поднять с пола. — Собирай только самое важное. Документы, телефон, фотоаппарат. Остальное оставим.

— Куда мы поедём? — спросила она, позволяя ему поднять себя, но ноги её казались ватными, и она с трудом удерживала равновесие. — Максим, ты должен мне всё рассказать. Сейчас. Иначе я не сдвинусь с места.

Он остановился, посмотрел на неё, и в его глазах мелькнула та самая усталость, которую она видела раньше, но не придавала значения. Он провёл ладонью по лицу, будто пытался стереть с себя годы напряжения, и выдохнул.

— Моя мать, — начал он медленно, подбирая слова, словно каждое из них могло взорваться, — она была не совсем... обычной. Она видела вещи, которые другие не видели. Она говорила, что за мной охотятся. Не люди — тени. Она называла это «чёрный попутчик». Она говорила, что он приходит к тем, кто счастлив, и забирает их счастье по кусочкам. И он оставляет метки.

— Метки? — переспросила Алиса, чувствуя, как холодок пробегает по спине. — Какие метки?

— Фотографии, — ответил он, указывая на пол. — Он всегда присылает фотографии. Сначала тех, кто был рядом со мной. Потом тебя. Он хочет, чтобы я знал: он следит. Он ждёт. Он хочет забрать последнее, что у меня осталось.

— И ты думаешь, что эти девушки... — начала Алиса, но Максим перебил её.

— Я не знаю, что с ними случилось, — сказал он, и в голосе его послышалась горечь. — Я знаю только, что они ушли. Исчезли. Каждая из них получила такие же фотографии. Каждая из них видела того человека под окном. И каждая из них, — он замолчал на секунду, и в глазах его мелькнула боль, — перестала мне доверять. Они уходили, думая, что я — чудовище. Но я не чудовище, Алиса. Я просто хотел их защитить. Как хочу защитить тебя.

Она хотела верить ему. Ей отчаянно хотелось верить в то, что он говорит правду, что он не убийца, что все эти совпадения — лишь жестокая игра неизвестного врага. Но в голове занозой сидела мысль: а что, если он лжёт? Что, если этот его «чёрный попутчик» — лишь прикрытие? Что, если он сам — тот самый убийца, который уничтожает всех, кого любит?

Но вместо того, чтобы спросить его об этом прямо, она взяла дневник его матери и сунула его в сумку. Потом, на автомате, собрала фотоаппарат, паспорт, зарядку и кошелёк. Она двигалась как робот, повинаясь его командам, но внутри неё кипело нечто иное — холодное, расчётливое, желающее докопаться до истины любой ценой.

Они вышли из квартиры через чёрный ход, спускаясь по лестнице так тихо, как только могли. Максим держал её за руку, и его пальцы были ледяными, несмотря на тепло его ладони. Двор был пуст, только старый каштан шумел листвой, и где-то вдалеке завывала сирена, напоминая о том, что город не спит, что в нём всегда есть место для чужой беды.

Они сели в машину Максима — старый, выдавший виды универсал тёмно-зелёного цвета. Двигатель завёлся с пол-оборота, и они выехали на пустынную ночную улицу, оставляя за спи-

ной дом, который перестал быть безопасным. Алиса смотрела в боковое зеркало, ожидая увидеть чью-то фигуру, преследующую их, но дорога была пуста. Город спал.

Они остановились в небольшом мотеле на окраине, где никто не задавал вопросов, а администратор, пожилая женщина с уставшим лицом, просто взяла деньги и выдала ключ от номера, даже не взглянув на документы. Комната была тесной, с дешёвыми обоями и запахом старого табака, но это было убежище. Алиса села на кровать и, наконец, вытащила дневник матери Максима.

— Ты читал его? — спросила она, глядя на мужа, который стоял у двери, прислушиваясь к шагам за стеной.

— Часть, — признался он, не поворачиваясь. — Мать запрещала мне читать полностью. Она говорила, что некоторые знания — это проклятие. Но она просила передать его тебе. Только тебе.

Алиса открыла первую страницу, и глаза её пробежали по аккуратному, старомодному почерку. Письма были написаны женщиной, которая явно страдала от чего-то большего, чем просто материнская тревога. Она писала о снах, о лицах, которые появлялись в темноте, о том, как она видела девушек, стоящих у их порога, и о том, как они исчезали. Она упоминала имя «Лиза» несколько раз, но не как жертву, а как причину.

«Лиза была особенной, — писала мать Максима. — Она видела то же, что и я. Она знала о "чёрном попутчике". Она пыталась предупредить Максима, но он не слушал. Он думал, что мы обе сошли с ума. А потом она ушла. Я не знаю, жива ли она, но я знаю, что она оставила кое-что. Дневник. Я спрятала его. Если Алиса его найдёт, она поймёт, как остановить это всё».

Внизу страницы был нарисован маленький ключ и адрес. Не города, а скорее ориентир: «Старая школа, третий этаж, последний шкаф. За фальш-панелью».

Алиса подняла глаза на Максима, который наконец повернулся к ней. Его лицо было бледным, и она видела, как он сдерживается, чтобы не подойти к ней, не обнять её. Он знал, что она должна прочитать это сама.

— Старая школа, — повторила она. — Это там, где мы гуляли в прошлый выходной?

— Да, — ответил он. — Она закрыта уже лет десять. Но я могу попасть внутрь.

— Тогда завтра мы едем туда, — сказала Алиса, не раздумывая. — Я хочу найти дневник Лизы. Я хочу знать, что случилось.

Максим кивнул, но в его взгляде промелькнула тень сомнения. Он подошёл к ней, сел рядом на кровать и взял её руки в свои.

— Ты уверена? — спросил он тихо, почти шёпотом. — Это может быть опасно. Тот, кто следит за нами, знает о дневнике. Возможно, он хочет, чтобы мы его нашли.

— А возможно, он боится, что мы его найдём, — возразила она, и в её голосе впервые за этот долгий вечер появилась сталь. — Я устала бояться, Максим. Устала прятаться. Если тот человек хочет меня уничтожить, пусть попробует. Но я не отступлю.

Он долго смотрел на неё, и в его взгляде читалась смесь восхищения и страха. Потом он наклонился и поцеловал её в лоб, как делал каждое утро, но теперь этот жест казался ей не просто нежностью, а прощанием. Словно он знал, что завтрашний день может всё изменить.

Ночь прошла тревожно. Алиса почти не спала, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу половиц. Ей казалось, что за тонкой стеной кто-то дышит, кто-то ждёт, когда они заснут, чтобы нанести удар. Она вставала несколько раз, подходила к двери, приоткрывала её и смотрела в коридор, но там было пусто. Только тусклый свет лампы вырисовывал на полу длинные тени.

На рассвете они выехали в сторону старой школы. Здание стояло на окраине города, окружённое высокими тополями, которые уже потеряли большую часть листвы. Оно выглядело заброшенным, но не разрушенным: стекла были целы, двери заперты на тяжёлый замок,

и только вывеска над входом, выцветшая и почти нечитаемая, напоминала о том, что здесь когда-то звучали детские голоса.

Максим открыл замок старым ключом, который лежал у него в кармане — он сказал, что нашёл его среди вещей матери. Внутри пахло пылью, мелом и временем. Коридоры были пусты, эхо их шагов разносилось под высоким потолком, и Алиса чувствовала себя человеком, который вторгся в чужую память.

Они поднялись на третий этаж. Классные комнаты были пусты, парты отсутствовали, и только шкафы стояли вдоль стен, словно молчаливые свидетели. Максим прошёл в самый конец, к старому, ободранному шкафу, и отодвинул его от стены. За ним оказалась фальш-панель, которую он легко снял, и в стене открылась ниша.

В ней лежала небольшая коробка, перевязанная бечёвкой. Такая же, как та, что была у него в руках вчера. Алиса взяла её, чувствуя, как дрожат пальцы. Она развязала узел, сняла крышку и увидела внутри старую потрёпанную тетрадь с обложкой, на которой было написано: «Лиза. Мой последний дневник».

Она открыла её, и первое, что увидела, была запись, датированная ровно тем днём, когда Лиза исчезла.

«Если ты читаешь это, значит, я уже не здесь. Я уйду, потому что так надо. Потому что иначе он найдёт меня и убьёт. Но это не Максим. Это тот, кто живёт внутри меня. Я не знаю, как его назвать. Назову его "Чужой". Он просыпается, когда я сплю. Он делает вещи, которые я не помню. Он оставляет следы, которые я не понимаю. И он ненавидит Максима. Он хочет уничтожить всё, что я люблю. Поэтому я уйду. Чтобы никто больше не пострадал. Простите меня. Я так устала».

Алиса перевернула страницу и замерла. На следующей странице была приклеена фотография. Её собственная фотография, сделанная несколько лет назад. Она стояла на фоне моря, улыбалась, но глаза её были пустыми. Под ней было написано: «Она не знает, кто она на самом деле. Но она скоро узнает. И тогда всё повторится».

Максим подошёл ближе и, увидев фотографию, побледнел.

— Это ты, — сказал он хрипло. — Она знала тебя. Лиза знала тебя до нашей встречи.

Алиса не могла оторвать взгляд от снимка. Ей казалось, что где-то глубоко в памяти, в том самом чёрном провале, что-то начинает светиться, как далёкий маяк. Она слышала голос — женский, испуганный, который звал её по имени. И она понимала: этот голос принадлежал Лизе.

За окном раздался резкий звук, похожий на треск ветки. Максим рванул к окну, но на улице никого не было. И только на стекле кто-то оставил след ладони — свежий, ещё влажный.

— Нам нужно уходить, — сказал он, хватая её за руку. — Сейчас. Он здесь.

Алиса посмотрела на дневник, потом на мужа, и внутри неё что-то щёлкнуло. Она поняла: в этой игре она была не просто жертвой. Она была ключом. Ключом к прошлому, которое она забыла. К прошлому, которое её настигало.

И она знала: чтобы спастись, ей придётся вспомнить всё. Даже то, что она прятала от себя восемь лет.

Они выбежали из школы, оставляя за спиной тени, которые сгущались в коридорах. Им казалось, что за ними гонятся, что чьи-то ноги стучат по пустым классам, но когда они обернулись, никого не было.

Только дневник в руках Алисы казался горячим, как уголь, который жжёт ладони и оставляет ожоги.

И она знала: это только начало.

Глава 4. Тот, кто внутри меня

Мы вернулись в мотель к полудню, когда солнце уже поднялось высоко, но его свет казался каким-то болезненным, разбавленным серой пеленой облаков. Воздух был тяжёлым и влажным, предвещая грозу, которая висела где-то за горизонтом, но никак не решалась разразиться. Алиса всё ещё сжимала дневник Лизы в руках, и её пальцы онемели от напряжения, словно она боялась, что тетрадь исчезнет, если ослабит хватку. Максим вёл машину молча, изредка бросая взгляды в зеркало заднего вида, проверяя, нет ли за ними хвоста. Его лицо было напряжённым, челюсти сжаты, и только когда они въехали на парковку мотеля, он позволил себе выдохнуть.

В номере было душно. Алиса открыла окно, впуская внутрь запах мокрой листвы и бензина, и села на край кровати, положив дневник перед собой. Коричневая обложка была потёрта по углам, и некоторые страницы выпадали, держась на честном слове. Она провела пальцами по шероховатой бумаге, чувствуя, как от неё исходит едва уловимый запах — сухих цветов и чего-то горьковатого, вроде полыни. Запах чужой жизни, которая оборвалась слишком рано.

Максим стоял у окна, оперевшись ладонями в подоконник, и смотрел на пустую улицу. Его плечи были напряжены, и Алиса видела, как он сдерживается, чтобы не заговорить первым, не нарушить тот хрупкий баланс, который установился между ними. Она знала, что он ждёт её вопросов, ждёт её гнева, но в данный момент она сама не знала, что чувствует. Страх смешивался с жгучим любопытством, а любопытство — с ледяным ужасом, который скручивал внутренности в тугой узел.

— Я прочитаю это здесь, — сказала она, и голос её прозвучал глухо, будто из другого измерения. — Прямо сейчас. Ты можешь сидеть рядом, можешь стоять у окна, но я хочу, чтобы ты ничего не скрывал. Если я спрошу, ты ответишь честно.

Максим повернулся к ней, и в его глазах мелькнула такая боль, что у Алисы сжалось сердце. Он кивнул, не говоря ни слова, и сел на пол у её ног, прислонившись спиной к кровати. Это был жест покорности, почти животной преданности, и она почувствовала, как где-то глубоко внутри неё шевелится что-то тёплое, что всё ещё верит ему.

Она открыла дневник на первой странице и начала читать вслух, сама не зная, зачем. Может быть, чтобы Максим слышал каждое слово, чтобы он разделил с ней этот груз.

Первые записи были обыденными: Лиза писала о погоде, о работе, о том, как она скучает по родителям. Она работала в книжном магазине, любила дождливые дни и мечтала о путешествиях. Её почерк был ровным и аккуратным, почти каллиграфическим, и Алиса на миг представила себе эту девушку — с весёлыми глазами с фотографии, которые сейчас смотрели на неё с бумажных страниц. Но чем дальше она читала, тем более тревожными становились записи.

«11 сентября. Я снова видела его во сне. Он стоял в углу комнаты, и его лица не было. Только тень. Он говорил со мной, но голос был похож на мой собственный. Он сказал: "Ты не должна любить Максима. Он не для тебя." Я проснулась в холодном поту, и мои руки были в грязи. Я не помню, как я выходила из дома. Но мои ногти были сломаны, а под ними — земля. Чья-то земля.»

Алиса перевела дыхание и посмотрела на Максима. Он не шевелился, только его пальцы сжимались и разжимались, выдавая внутреннее напряжение.

— Ты знал об этом? — спросила она тихо. — О том, что она видела сны?

— Она говорила мне, — ответил он, не поднимая глаз. — Но я списывал это на стресс. Она работала допоздна, много нервничала. Я думал, ей просто нужен отдых.

— Но это не было просто стрессом, — Алиса перелистнула страницу и продолжила читать. — Тут есть записи о том, что она находила вещи в своей квартире, которых не покупала. Чужие серебряные серёжки. Старые фотографии людей, которых она не знала. И однажды она

проснулась на скамейке в парке в трёх кварталах от дома, босиком, и не помнила, как там оказалась.

— Диссоциация, — пробормотал Максим. — Я прочитал об этом потом. Когда она исчезла. Я думал, что у неё психическое расстройство. Я хотел отвести её к врачу, но она боялась. Она говорила, что если расскажет кому-то, тот человек тоже исчезнет.

Алиса пролистала ещё несколько страниц и нашла запись, от которой у неё потемнело в глазах. Она была написана крупными, неровными буквами, словно торопливой рукой:

«Я поняла. Он не снаружи. Он внутри меня. Я ношу его, как ребёнка, как опухоль. Он просыпается, когда я теряю контроль. Он выходит наружу, когда я сплю. И он ненавидит Максима. Он ненавидит счастье. Он хочет, чтобы я осталась одна, навсегда. Я не знаю, что он сделал вчера, но я нашла записку в своей сумке. На ней было написано: "Пора". Пора что? Я боюсь. Если я исчезну, не ищите меня. Я уйду, чтобы спасти Максима. И спасти всех остальных.»

Алиса закрыла дневник на мгновение, чувствуя, как дрожит её рука. Она посмотрела на свою левую ладонь, туда, где белел старый шрам от аварии, и вдруг поняла, что он кажется ей свежим, словно появился только вчера.

— Она писала о том, что внутри неё кто-то живёт, — произнесла Алиса медленно, подбирая слова. — Как будто вторая личность. Она боялась себя. Она боялась того, что может сделать, когда не помнит своих действий.

— Я знаю, — сказал Максим, и в его голосе послышалась странная хрипотца. — Поэтому я и искал тебя. Потому что мать сказала мне: есть ещё одна девушка, которая носит то же самое. Ты, Алиса. Ты тоже слышишь голоса в голове. Ты тоже просыпаешься в местах, где не была. Ты тоже не помнишь ту аварию.

Алиса почувствовала, как её тело леденеет. Она откинулась на спинку кровати, прижимая дневник к груди, и уставилась в потолок, где трещина напоминала карту неизведанной земли. Да, это было правдой. Она часто теряла время. Сначала она списывала это на последствия аварии, врачи говорили о контузии, о повреждении гиппокампа. Но ведь прошло уже восемь лет, а провалы не исчезли. Они становились глубже, длиннее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.